

18+

Елена Маркова

ТОЛСТАЯ

социальная трагикомедия

Елена Маркова
Толстая

«Издательские решения»

Маркова Е.

Толстая / Е. Маркова — «Издательские решения»,

Полине 36. Она умна, саркастична и ищет новую работу. Это не история преображения. Здесь никто не худеет на 20 кило к финалу и не выходит замуж за прекрасного принца. Здесь — токсичная мать, нелепые мужчины разных пород, унижительные собеседования, звонок друга с вопросом «как перевезти тело?» — и один ночной разговор с ИИ, который скажет то, чего не сказал никто живой. Честно, зло, смешно и очень по-настоящему — о праве быть собой в теле, за которое постоянно приходится оправдываться.

© Маркова Е.

© Издательские решения

Содержание

Предупреждения	6
Глава 1. Просто начало	7
Глава 2. Флёр «Старых Бумаг»	9
Глава 3. Между	13
Глава 4. Анатолий	16
Глава 5. Платье	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Толстая

Елена Маркова

© Елена Маркова, 2026

ISBN 978-5-0071-2797-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предупреждения

- нецензурная лексика (умеренно);
- сцены эмоционального насилия (отношения с матерью);
- объективация тела;
- фэт-шейминг, фэтфобия и боди-негатив, темы веса и диет;
- упоминание РПП (без романтизации).

Роман не содержит откровенных сцен. В романе обсуждаются диеты, марафоны похудения, срывы, но без романтизации. Героиня регулярно сталкивается с оскорблениями, стигматизацией и предрассудками из-за веса. Может быть триггерно для чувствительных читателей.

Глава 1. Просто начало

Сознание вернулось к Полине не сразу. Сегодня должна быть среда. Значит, вечером звонить матери, а днём... днём планируется собеседование. Очередное.

Она открыла глаза, уставившись в потолок, где жёлтый развод от соседского потопа смутно напоминал Австралию.

Полина никогда не понимала, как люди умудряются на завтрак варить кашу, отсчитывать поштучно миндальные орешки, наслаждаться вкусом деревенского творога со свежей клубникой, листать новостную ленту... Проснулась — и уже везде опоздала. Так вернее. Так реалистичнее.

Механически почистив зубы и замотав волосы — этот вечный компромисс между окультуренным одуванчиком и карикатурой на Аркадия Укупника — в подобие низкого пучка, Полина впихнулась в бордовый деловой костюм и приколола мамину брошь с финифтью. Она глянула в зеркало, доставшееся ей ещё от прабабушки, в чьей квартире она и жила, наслаждаясь аутентичным центром и горсткой чудом не уехавших в замкадье аборигенов старого города.

Поиск работы больше походил на социальное сафари. Она, Полина, тридцатилетний эксперт по никому не нужной филологической пыли, выходила в джунгли офисного планктона, где её поджидали HR-менеджеры с глазами, как у сканеров штрих-кода. Они смотрели не на резюме, а сквозь него, как будто считывали описание из карточки товара, который вот-вот просрочится. Они выискивали между строк её главный, неустранимый дефект: она занимала слишком много места. Не в профессии — там её компетенции были безупречны. В пространстве. В кресле. В чужом восприятии женщины, которая должна быть либо стройной и ухоженной, либо незаметной.

Сегодня её ожидали на личную беседу с хозяином книжного салона «Старые Бумаги», специализирующегося на изданиях XVII — XIX веков. От букинистического ширпотреба до музейных ценностей для частных коллекционеров. Как выяснила Полина, клиенты таких салонов — люди, у которых слишком много денег и слишком мало вкуса, но есть потребность владеть. Пыль времени в переплёте из свиной кожи, иногда подсвеченная инкрустированными самоцветами. Идеально.

«Ну что, Поля, — мысленно сказала она своему отражению, — поехали нести культуру в массы. Вернее, в отдельно взятого алчного нувориша, который будет морщиться, что на „Евгении Онегине“ 1837 года пятно от кофе».

Полина решила ехать на метро. Припарковаться в переулках Арбата — квест для избранных: либо плати за парковку, как за годовую подписку в фитнес-клуб, либо крути пятьдесят минут, пока твоя машина не станет частью городского пейзажа — терпеливой и неподвижной. У неё не было ни лишних денег, ни лишнего времени. Особенно сегодня.

Вторая неделя сентября преподнесла городу редкий, почти кинематографический подарок — воздух, в котором ещё плавала лёгкая прохлада, но солнце уже не просто светило, а золотило. Оно било в купола, выхватывало из тусклого камня старых особняков забытую кра-

соту лепнины, заставляло асфальт пахнуть не мазутом, а чем-то давно утраченным — детством, может быть.

Арбат в этот час походил на актёра, ещё не загримированного для спектакля. Уличные артисты с аккордеонами и выносными колонками ещё не подтянулись. Горе-художники, те самые, чьи «галереи» годами висели на одном и том же месте, только приподнимали целлофан со своих бессмертных творений: бесконечного Арнольда Шварценеггера в разных вариациях, множества Анджелины Джоли и карикатур на Жириновского и Сталлоне, которые уже сами стали историческими артефактами. Местные маргиналы — живые памятники самим себе — вяло отлипали от скамеек, на которых прикорнули под утро. Их лица были серыми, а в глазах плескалось одно из двух: либо тупая ярость, готовая вырваться в крике на Цоя, либо такое же тупое желание выпить ещё. Одно другого не исключало.

Сувенирные развалы с матрёшками и шапками-ушанками, вывески скупок золота, тёмные витрины антикварных салонов, ювелирные с холодным блеском, музей парфюмерии, откуда веяло затхлостью и розовой водой, и бесчисленные едальни с запахом жареного сыра — всё это было Старым Арбатом с его классическим антуражем.

Полина спешила — пятнадцать минут до возможной удачи в поисках. Она чувствовала, как в животе сосёт не от голода, а от нервяка. В окне навывнос одной из кофейн «для хороших мальчиков и девочек» (как она мысленно окрестила все эти пекарни с круассанами по цене бутылки вина) она купила бургер-ролл и латте, которые проглотила на ходу, почти не чувствуя вкуса — пластиковый сыр, резиновая котлета, сладковатый соус.

«Блин, — подумала она, сминая обёртку. — Приду на собеседование, от меня будет попахивать дешёвым фастфудом и отчаянием. А хозяин салона, наверное, пьёт на завтрак эспрессо из зёрен, которые лично обжарил для него монах в Эфиопии... Не иначе».

Вот нужный закуток с вывеской «Старые Бумаги», выполненной шрифтом, имитирующим старославянскую вязь. Полина остановилась перед дубовой дверью с латунной ручкой. Витрина была затемнена, внутри горел тусклый, тёплый свет, выхватывая из мрака позолоту на корешках фолиантов. Это выглядело не как магазин, а как сокровищница. Или ловушка.

Она поправила брошь, пригладила волосы и успела подумать только одно: пожалуйста, пусть здесь, среди людей, для которых главное — что внутри переплёта, хоть раз действительно будет важно то, что внутри неё, а не то, во что она упакована. А потом дверь закрылась за спиной, и отступать было уже некуда.

Глава 2. Флёр «Старых Бумаг»

Колокольчик звякнул, и мир перевернулся. С улицы, с её осенней свежестью и запахом жареного сыра, Полина шагнула в густую тишину. Воздух здесь не циркулировал, он лежал пластами, как в склепе. Запах был сложным, многослойным: пыль, въевшаяся в кожу переплёт-тов; лёгкая затхлость старой бумаги; воск, которым натирали дуб; и что-то ещё — сладковатый, почти культурный шлейф времени. Не смерти. Консервации.

Салон был невелик, но потолки высокие. Стены от пола до потолка заставлены стелла-жами из тёмного, почти чёрного дерева. В них, как пленники в камерах, стояли книги. Тома в коже с тиснёной золотой вязью, скромные в холщёвых переплётах, роскошные в сафьяне. Казалось, они не продавались, а дожидались своего часа, своего нового тюремщика.

А вот мебель... Мебель была бельмом на глазу. Массивные кожаные кресла, явно новые, но декорированные под старину. Дубовый стол с грубо вырезанными ножками, который тянул за собой всё окружающее в мир дорогой, но безвкусной стилизации. Полина внутренне скри-вилась. Недоантиквариат. Он не поддерживал дух, он его убивал. Настоящий, потертый, с чер-воточинами дуб XIX века сделал бы книги живыми свидетелями. Эта же мебель превращала их в бутаторские копии, в реквизит для фотосессии «Я — интеллеktуал». Она оттягивала на себя внимание, крича: «Смотри, как я дорого стою!» — и книги рядом с ней блёкли, становясь просто старым хламом.

Из-за стола, напоминавшего скорее барную стойку в пабе, поднялась фигура. Полина внутренне отметила: самка богомола в человеческом обличье.

Девушка — нет, существо — была до ужаса анорексичной, словно её вытянули в тонкую, хрупкую нить. Но в эту хрупкость были вмонтированы два диссонирующих элемента: губы-пельмешки, накачанные до состояния резиновых уточек, и резкие, подправленные скулы, при-дававшие лицу голодное, хищное выражение. Она была обу-та в высоченные шпильки и двига-лась по ковру мелкими, осторожными шажками, будто сдерживала пук.

Её взгляд липко скользнул по Полине, она знала его наизусть: сочувствующе-осужда-ющий, сладковато-гаденький. Так смотрят «консультанты» в бутиках, где платье её размера висит в самом дальнем углу, если висит вообще. Оценка прошла по стандартному маршруту: лицо (мимо), костюм (одобрительная заминка), фигура (долгий, холодный анализ, итог — «не формат»).

От богомолихи пахло не книжной пылью, а приевшейся «Баккарой», как безошибочно определила Полина. Запах московских эскортниц 2010-х, символ показной, дешёвой роскоши. Когнитивный диссонанс ударил в нос: затхлая культура веков и агрессивный аромат ночных клубов. Полина даже моргнула от несоответствия.

— Как добрались? — голос у дамочки был слащавым, с хрипотцой, будто от частого курения или шепота в дорогих ушах. Она растягивала гласные, играя в светскость.

— Успешно, — ответила Полина, разглядывая не источник вопроса, а книги на полках. Её собственный голос прозвучал холодно и чётко, как удар стеклореза по этой липкой атмо-сфере.

Женщина-богомол слегка отвела глаза, будто Полина была слишком яркой лампой.

— Аркадий Феликсович сейчас подойдёт. Надо подождать. Может, кофе или чай? Зелёный, фруктовый... есть безлактозное молоко, хотя... — она снова бросила на Полину тот самый оценивающий взгляд, быстрый, как укол, — оно кончилось. Вы присаживайтесь...

Полина про себя усмехнулась. «Присаживайтесь». Откуда пошла эта фишка «откинувшихся»? Как это слово-паразит проникло в массы, вытеснив нормальное, вежливое «садитесь, пожалуйста»? В XVIII веке, чьи тома стояли на этих полках, подобный оборот вызвал бы лишь недоумение. «Садитесь» не несло в себе намёка на смерть или тюремную скамью. Оно было приглашением к беседе, к диалогу. А теперь... «Присаживайтесь» звучало как «займите место временно, на краешек, потому что вы тут ненадолго». Идеальная метафора для всего её нынешнего существования. Временная. Ненадолго.

Она кивнула, не удостоив ответом, и направилась к одному из кожаных чудовищ. Садясь, она почувствовала, как дорогая кожа неприятно хрустит, и как низкое сиденье заставляет её живот образовать неэlegantную складку. Она откинулась на спинку, приняв позу, которая должна была выражать уверенность. А сама смотрела на позолоту корешков и думала о том, что этот салон пахнет не историей, а фальшью. И она, со своим бургер-роллом и честным взглядом, была здесь самым аутентичным экспонатом.

В проёме, ведущем вглубь салона, нарисовался не мужчина, а уставший удав Каа. Низкорослый, поджарый, в идеально сидящем клетчатом твидовом пиджаке, который стоил, наверное, как её машина. Лаконичные титановые очки. И ботинки — матовые, безупречные, ручной работы, говорившие о деньгах тише, но убедительнее любого крика. Это был не арбатский барыга, пахнувший вискарём и понтами. Это был хищник иного порядка — с налётом культурного кода, как патина на меди. Но патина эта была искусственной, нанесённой для красоты, а не для сохранения.

Его взгляд — цепкий, быстрый сканер — скользнул по Полине, не задерживаясь на лице, а сразу переходя к оценке костюма, броши, позы. Это был взгляд, который без зазрения совести оторвёт золотые коронки с остывающего трупа и даже не поморщится. Просто потому, что они — актив.

Боевой начёс Вероники вздыбился ещё сильнее, словно улавливая высокочастотное излучение от своего босса.

— Здравствуйте, прелестница, — припечатал он Полину с порога, и слово «прелестница» прозвучало не как комплимент, а как номенклатурная единица. Как «лот №4.19». — Рад, что вы доехали.

Он не предложил руку, не назвал себя. Прошёл к своему массивному столу и опустился в кресло, которое приняло его, как трон.

— Расскажите, чем можете быть нам и мне полезны, — продолжил он, складывая пальцы домиком. — О вашем опыте. Особенно об умении общаться с людьми высоких социальных слоёв. У нас клиенты... специфические. Их надо понимать. Или создавать иллюзию понимания.

Полине стало некомфортно. Это был не вопрос, а тест на проникновение. Она не могла раскусить: перед ней хапуга из бывших бандитов 90-х, который нашёл себе новую, респектабельную нишу в виде старых книг, или это разбирающийся в литературе специалист с той самой коммерческой жилкой, которой так не хватало всем её бывшим университетским коллегам? Его речь была грамотной, но в ней чувствовалась стальная пружина наживы.

— Вероничка, — не поворачивая головы, бросил он. — Принеси нимфе кофе, а мне улун. Сегодня с одним кусочком сахара.

Полина не сразу просекла, что это был изящный способ удалить Веронику, чтобы поговорить наедине. Её зацепило другое. «Нимфа».

Оно прозвучало не как оскорбление, а как классификация. В его устах это было старомодное, почти бульварное словечко, которым в XIX веке могли назвать легкомысленную барышню. Но сказанное ей, тридцатилетней женщине в строгом костюме, оно обретало двойное дно. Это был намёк на её пол, на её инаковость в этом мире денег и томов, на снисхождение. «Ах, вы, барышня, пришли поговорить о серьёзном? Ну-ну».

Вероника с ещё более кислым выражением лица поплыла в сторону какой-то двери, её шпильки бесшумно впивались в ворсистый ковёр.

Полина встретила взгляд удава — холодный, оценивающий, лишённый любопытства, но полный расчёта.

«Ну что ж, — подумала она, выпрямляя спину, что немедленно создало новую, ещё более неудобную складку на животе. — Раз „нимфа“, то будь по-вашему. Но нимфы, милостивый государь, бывают разные. Некоторые топят тех, кто их недооценивает...»

И она начала говорить. Чётко, сухо, без тени заискивания, как будто читала лекцию о каталогизации. Она говорила о водяных знаках на бумаге XVIII века, о переплётах эпохи модерна, о том, как отличить первое издание от второго, даже если на титуле стоит одна и та же дата. Она не упомянула ни о «высоких социальных слоях», ни об «умении общаться». Она говорила о предмете. Потому что если он действительно что-то понимает, то поймёт и это. А если нет... то зачем ей здесь работать?

Он слушал, не перебивая, посасывая свой улун с одним кусочком сахара. Его лицо было непроницаемым.

Монолог Полины о водяных знаках и тиснёных орнаментах висел в воздухе, как тонкая паутина учёности. Удав впитывал слова, не меняя выражения лица, лишь изредка попивая чай. И когда она сделала паузу, собираясь перейти к своей кандидатской о малоизвестном поэте-сентименталисте, он перебил. Резко, бесцеремонно, как будто ломал эту паутину голыми руками.

— Вы понимаете, что будете играть в одном «спектакле» с Вероничкой? — его голос был холодным и плоским, как лезвие скальпеля. — Она привлекает мужчин. Фигурой, шармом. Пускай и сделанным. Но в этом мире он такой, и это надо принять. Понять вам, наверное, не дано. Вы её антипод.

Он вальяжно закинул ногу на ногу, рассматривая Полину, как не оправдавшую надежды биржевую акцию.

— Вы, бесспорно, эрудированны. Насчёт ума — не уверен. Иначе бы не превратились в... корову. — Он сделал паузу, давая слову повиснуть в густом, пропитанном «Баккарой» воздухе. — Так вот. Вы готовы быть умной речью в тени эффектного тела? Вас не должно быть видно. Вы как бы за ней. Со своими знаниями и необходимой исторической справкой. Согласны? Клиент смотрит на Вероничку, у него текут слюнки, он готов платить. А вы тихонечко: «Это, батюшка, издание 1823 года, картон, следы реставрации, провенанс из библиотеки князя N». Да?

Его лицо, до этого момента сохранявшее маску культурного дельца, сползло, как плохой грим. И проступило другое — озлобленное, мелкое, хищное. Это был уже не хладнокровный удав с налётом интеллигентности. Это был озлобившийся на весь мир аспидёнок, который добрался до власти и теперь мстил за каждую свою голодную ночь, за каждый взгляд свысока, отыгрываясь на тех, кто казался ему уязвимым.

Полина долго и выразительно на него смотрела. Молча. Внутри неё всё кипело, рвалось наружу потоком матерных инвектив и ядовитых отточенных фраз. Мудак. Урод. Жалкий ничтожный козёл. Но она молчала. Потому что он и так это знал. Потому что сказать это — значило сыграть по его правилам, опуститься до его уровня. Значило признать, что его слова её ранили. А она не хотела давать ему этой радости.

Вероника стояла у двери с подносом, на её уточных губах играла едва уловимая, слащавая улыбка торжества.

Вместо ответа Полина медленно поднялась с кресла, которое жалобно хрустнуло, будто вздохнуло с облегчением.

— Как я люблю эти проверки на стрессоустойчивость... Вы знаете, Аркадий Феликсович, — её голос прозвучал тихо, но с ледяной чёткостью, — ваше предложение оставляет желать лучшего. Я пришла работать с книгами, а не быть живым приложением к манекену. Пускай вам Вероничка делает кассу. Тут так фешенебельно, — её взгляд скользнул по бутафорской мебели, по Вероничке, по его клетчатому пиджаку, — что мне, как специалисту, явно будет нерентабельно.

Она повернулась и пошла к выходу, чувствуя, как его взгляд буравит ей спину.

Он улыбался до последнего, хотя глаза сочились злобой, которую он уже не прикрывал внешним лоском.

Полина не обернулась. Уже на пороге, дёрнув тяжелую дверь, она бросила через плечо, не повышая голоса, но так, чтобы было слышно:

— Вы правы в одном: я действительно не привлекаю мужчин, как Вероника. К счастью, книги, с которыми я хотела работать, — тоже. Видимо, это взаимное неприятие. Всего доброго!

Дверь закрылась, отсекая сладковато-затхлый мир «Старых Бумаг».

Глава 3. Между

Она шла по Арбату, уже не замечая ни позолоты куполов, ни артистов, ни запаха осени. Она двигалась быстро, вернее, почти бежала в сторону Нового Арбата, где стекло и бетон должны были выжечь из неё недавнюю мерзость.

Она ненавидела.

Ненавидела этот мир, где её ум, её знания, её целая сложная личность сводились к сравнению с накачанными губами и анорексичным телом.

Ненавидела свой жир, который был не причиной, а знаком, по которому её записали в проигравшие, дав право барыге в дорогих ботинках тыкать в неё пальцем. Ненавидела этих гадких, мелких, ущербных людей, которые, прикрывшись деньгами и бутафорией, мнили себя хозяевами жизни и ценителями культуры.

Хотелось расплакаться, но слёз не было. Только белая, калёная ярость, жгущая изнутри, и чувство полной, абсолютной беспомощности. Полина понимала, что формально права, что умнее, чище, честнее. Но это не имело ни малейшего значения.

Она свернула в первый же переулок, наткнулась на витрину крошечного магазинчика с рядами ярких банок. Дрожащими от эмоций руками она достала кошелек и купила баночку газировки. Она давно себе такого не позволяла: 35 граммов сахара, а это около 7 чайных ложек почти ядовитых для неё углеводов — путь в никуда. Сегодня ей было плевать. Ей жизненно необходимы были эти сладкие, агрессивные пузырьки, которые заполняют желудок химической эйфорией и на секунду заткнут ту дыру, что прожгли в ней слова этого арбатского упыря. Она дёрнула кольцо; шипение прозвучало, как выдох облегчения. Первый глоток был ледяным, приторным и бесконечно правдивым в своём фатальном вреде.

«Нимфа», «корова», «истеричная дура» — всплывали в памяти «ласковые» эпитеты. Владелец «Старых Бумаг» чувствовал свою правоту и безнаказанность. У него всё ладно. Всё по полочкам. Вероничка соответствует...

Она посмотрела на банку, на свой осязаемый под одеждой живот, на потёртые балетки. И вдруг дико, нелепо, горько рассмеялась. Сквозь этот смех пробивалась вся накопленная за утро, за месяц, за жизнь горечь.

Она была не нимфой. Она была циклопом. Одноглазым, большим, которого все боятся, над которым смеются и которого пытаются обхитрить. Но у циклопа, если помнить мифы, была своя пещера. И своя, чёртова правда. Он не был красивым, зато был цельным. Его глаз видел не блеск и мишуру, а суть. Он был силен в своей грубой, неподражаемой уродливости. И Одиссей победил его только обманом — ослепив. Не в честном бою, кстати.

«Да, — подумала она, вытирая слёзы, стараясь не размазать тушь. — Я — циклоп. Мой единственный глаз — это мой ум, и он видит всех этих Одиссеев и удавов в дорогих ботинках и с мокрыми ото лжи губами насквозь. Моя пещера — квартира, в которой я живу, а моя правда... моя правда в том, что я не играю по их правилам. И меня за это ненавидят. Или просто не видят».

Это осознание не принесло радости, но принесло твердь под ногами. Чувство, пусть и уродливой, но идентичности. Она не пыталась вписаться в племя стройных, хитрых греков. Она — другой биологический вид. И у этого вида есть право на существование. Пусть в своей пещере. Пусть в одиночестве.

С этим ощущением чудовищной, но своей правды она допила жидкие эндорфинчики, двухочковым попала пустой банкой в урну и пошла к метро, поближе к дому, где ждали монстера, алоэ и тикающий будильник. Сегодня она проиграла сражение, а война всё ещё продолжается.

Дорога домой слилась в серое пятно. Метро, подъезд, консьерж, лифт. Ключ повернулся в замке с тихим щелчком капитуляции.

Квартира встретила её тишиной и терпеливым взглядом растений. Сбросив на вешалку пиджак, Полина прошла в комнату, к своему старенькому, но верному ноутбуку. Он ждал. В отличие от всего остального мира, он ждал всегда.

Она запустила его, и экран осветил её усталое лицо синим светом. Не глядя, она прошла по закладкам, туда, где жила её настоящая жизнь. На сайт фанфиков. Её профиль: «L***». Умная, мрачноватая, с идеальным чувством стиля и характеров. Здесь, в мире, где Гарри Поттер давно окончил Хогвартс, а взрослые волшебники решали взрослые проблемы, она была не Полиной. Она была автором.

Её пейринг — Снейджер (Северус Снейп и Гермиона Грейнджер) — был её отдушиной, её интеллектуальной игрой. Где ещё столь ядовитый, блестящий циник и невыносимая, принципиальная умница могли найти друг в друге нечто большее, чем предрассудки? Она писала об этом пятнадцать лет. Находила в этих, казалось бы, несовместимых душах общие раны, общий сарказм, общее одиночество гениев в мире посредственностей. И коллеги-шипперы — поклонники этой пары — ждали каждую её главу, как откровения. Они спорили в комментариях, разбирали её метафоры, просили продолжения. Её «нетленки» были её детищами, которых кто-то ненавидел, а кто-то любил.

Здесь её жир был не важен. Важны были стиль, острота диалога, глубина психологии и ирония, с которой её Северус отпускал свои колкости. Здесь она отстаивала своё право на сложность, на мрачный хэппи-энд, на взрослую, не сказочную любовь. Путь был нелёгким — хейтеры, обвинения в «неканоне», споры, «аффтор, где обоснуй». Но она выстояла. Завоевала своё место под цифровым солнцем.

Полина (нет, сегодня она была L***) провела пальцем по тачпаду, открывая черновик новой главы. Гермиона в её версии спорила со Снейпом о магической этике, и её аргументы были столь же безупречны и невыносимы, как всегда. А он, вместо того чтобы злиться, смотрел на неё с тем самым молчаливым, раздражающим пониманием, которое было страшнее любой ненависти.

Настоящий мир с его «нимфами», «коровой» и «эффектными телами» отступил, стал плоским и неважным. Здесь, в созданной ею вселенной, царила логика ума и силы духа. Здесь можно было быть счастливой. Или хотя бы — понятой.

«Отстояла там, — подумала она, глядя на строки диалога. — Осталось отстоять здесь».

Но сегодня не для битв. Сегодня — для побега. Она откинулась в кресле, потянулась к кружке с остывшим латте и погрузилась в единственный мир, где её слово имело вес, а её герои, такие же колючие и неудобные, как она сама, всё-таки находили своё счастье. Или, что было даже важнее, — свою правду.

Глава 4. Анатоль

После того вечера за фанфиками наступили несколько дней плотного, липкого безвременья. Полина жила, как во сне, выполняя действия по инерции: поливала цветы, ходила в магазин, принимала доставки, добавила в копилку пару вежливых отказов на свои отклики (теперь в её голове все кадровики говорили голосом удава из букинистического). Мир казался обтянутым тонкой, ядовитой плёнкой, сквозь которую всё было видно, но ничто не проникало внутрь.

Единственным островком реальности оставался экран. Каждый вечер она погружалась в свою историю. Гермiona и Снейп в её версии вели изопрённый словесный поединок, полный намёков и недоговорённостей, и от этого напряжение между ними росло, становясь почти осязаемым. Читатели восхищались: «L***, вы гений психологии!». В цифровом мире она по-прежнему была властительницей дум и чувств.

А в мире физическом её телефон то днями молчал, то взрывался десятком звонков от подруг и приятелей. В последние три месяца чаще он оживал от звонков Анатолия. Его голос в трубке был фоном, белым шумом её одиночества. Он жаловался на сына, на умершую коллегу, на новую любовницу начальника, рассказывал о каких-то бесконечных походах, где жил в палатке и ел из котелка. Полина слушала, уставившись в потолок, иногда вставляя «угу» или «да уж». Мамины заветы о вежливости превратились в автоматическую программу. Он съедал её время, а она... она использовала сам факт, что кто-то помнит о её существовании. Это был несбалансированный, убогий, но всё же обмен.

И вот, в субботу, он позвонил не просто пожаловаться.

— Полин, ты же в машинах шарить. Поможешь выбрать? Заедешь в салон, а? Я один как перст, закидоны и уговоры продавцов не потяну.

В его голосе звучала та же ноющая беспомощность, но теперь с конкретной целью. Она была ему полезна. Это было знакомо и почти... утешительно. Хоть какая-то функция в этом мире, кроме писания фанфиков.

— Ладно, — сказала она. — Встречаемся там.

Согласие вырвалось почти само собой, на автомате. Возможно, подсознательно ей хотелось выйти из квартиры, где стены начали напоминать ей о словах «нимфа» и «корова». Возможно, она просто устала от тишины, которую нарушал только стук её пальцев по клавиатуре.

На встречу с Анатолем она надела тёмные джинсы и свободную блузу, не пытаясь ни впечатлить, ни спрятаться. Она была просто Полиной, которая немного разбирается в машинах и умеет читать договоры.

И вот, припарковавшись у сверкающего стеклянного салона, она глубоко вздохнула, поправила буйные пряди волос и вышла из авто, чтобы встретить мужчину, который звонил ей каждый день, но не видел в ней женщину.

Полина лавировала между рядов разноцветного металла, пытаясь с ходу прочесть китайские иероглифы, которые занимали места, где раньше находились привычные глазу эмблемы БМВ и Мерседес. Её мозг, настроенный на латынь и старославянскую вязь, отказывался принимать эту реальность. Почему «Naval» произносили кто «Хавал», кто «Хавейл», а сами китайцы, судя по всему, «Чафáли»? Её внутренний филолог корчился в муках.

— Полинка, привет! — из-под вывески «Джили» к ней бросился Анатолий. Он был в своём обычном виде: в джемпере, который после стирки сел на пару размеров, с тенью усталости под глазами и запахом вечной недодрамы, которая укутывала его как полосатый шарф. Он слегка приобнял её за плечи.

Полина машинально наклонила корпус в его сторону, создавая иллюзию близости, но при этом максимально отдаляя живот и бёдра, чтобы свести осязательный контакт к минимуму. Его прикосновение было тёплым, дружеским и абсолютно лишённым того заряда, который заставляет кожу помнить себя.

— Как же я задолбался на работе! Начальник подсадил к нам в офис свою... подстилку, и она теперь ещё и стучит. — Видимо, в этот момент Полина должна была разделить негодование, проявив эмпатию, но она не успела: — Я тут улётную пластинку в коммиссионке нашёл, — продолжал своё соло Анатолий, — заказал, ждал девять дней, а она пришла с царапиной...

Тут, видимо, надо было выразить адское негодование, но Полина лишь поморщилась. И понеслось... Анатолий был ходячим сборником городских трагедий средней руки, погрязший в невротических отношениях с бывшей сожительницей, которая бросила его и укатила в Испанию работать няней. У него был взрослый сын, чьи карьерные успехи и душевные метания Полина знала лучше, чем сюжеты своих фанфиков, и который вечно «блестяще выступал на каких-то форумах». И, конечно, пожилые родственники — бесконечный, увядающий хор, члены которого периодически замолкали навсегда, что тут же превращалось в новую сагу о наследстве, похоронах и несправедливости бытия.

Полине было на всё это очевидно плевать. Но она слушала. Во-первых, мама учила быть вежливой, а во-вторых, всё та же мама втолковывала: «Не с твоей отсутствующей личной жизнью кочевряжиться и бросаться контактами!». Анатолий был «контактом». Пусть и энергетическим вампиром. По совместительству женоненавистником. Но Полину он считал умной, поэтому она не попадала под жернова активиста тренда «женщина — курица, молчи, сиси, снова молчи».

Они ходили по салону, лазили по машинам; она, как хороший сыщик, забиралась на сиденья, трогала пластик, кивала. Подошёл консультант, улыбочивый и гладкий, как сам автомобильный лак.

— А вот эта модель более вместительная, — с профессиональным энтузиазмом сказал он, похлопывая по крыше кроссовера. — Тут вашей даме будет комфортнее. Просторнее!

В словах не было ничего обидного. Чистая констатация факта: она была крупнее средней женщины. Но удар пришёл не от консультанта.

Анатолий вздрогнул. Не просто поправил его: «Мы просто друзья». Нет. Ему, для пущей театральности и будто чтобы отмежеваться от намёка на совместное будущее, надо было отпрыгнуть в сторону, как блохе. Он отшатнулся, засмеялся неестественно громко и высоко:

— Ой, что вы, это не моя дама! Я так, с подружкой за советом! — и бросил на Полину взгляд, полный панического, почти брезгливого отрицания.

И вот тут её накрыло. Не жгуче, как утром, а удушающе, будто шею сковали свинцовые кандалы. Получается, что даже в этой странной, невротической, недодружке она была нежеланным атрибутом, который в публичном пространстве нужно было срочно открепить. Её интеллект, её совет, её время — это можно было брать ежедневно. Но даже гипотетическая, мимо-лётная ассоциация с ней как с «его женщиной» была для него чем-то постыдным, от чего надо отшатнуться. Она была ему интересна как бесплатный терапевт и эксперт по автомобилям, ролям, пластинкам и даже квартирам. Но как женщина — нет. Как тело, которое могло бы быть «его дамой» — тем более нет.

Она стояла, чувствуя, как улыбка застывает у неё на лице маской вежливости, под которой медленно растекается унижительное понимание. Весь мир, казалось, состоял из людей, которые брали от неё что-то нужное — ум, внимание, труд, знания — но чурались её самой — её грузной, неудобной, требовавшей места физической реальности.

— Да, мы просто друзья, — сухо подтвердила она, глядя куда-то в пространство между консультантом и сияющим капотом «Хавейла». Голос её звучал ровно, почти бесстрастно. Но внутри эта фраза отзывалась тихим, горьким эхом: «Просто друг. Просто слушатель. Просто тень. Ничья дама».

Машину Анатолий, разумеется, «поставил на паузу». Полина прекрасно понимала: денег у него не было. Всё закончится тем, что он купит подержанную пятилетку с рук, будет месяц рассказывать о своей прозорливости, а потом два года — о мастерах, которые чинят ему кондиционер и меняют сцепление.

Он был жаден. Не по-злодейски, а по-мелкому, по-бытовому. И при этом мнил о себе бесконечно много, считая, что мир должен целовать его следы просто за факт его существования. Полина так не считала. Но, как завещала мама, контактами не бросаются.

Через пару дней он позвонил с новым витком беспомощности. Голос его был прерывистым, на грани истерики.

— Полин, ты ж всё знаешь. Как груз-200 перевезти? Срочно.

Полина, стоя у плиты и переворачивая цветную капусту на сковородке, остолбенела:

— Анатолий, есть гугл, морги, ритуальные конторы. Я не экспедитор по покойникам.

— Да нет, ты не поняла! — заныл он, и она мысленно увидела, как он заламывает руки. — Тётя Зина поехала в Казань и умерла. Хоронить её будут в Саранске. Родня вся в шоке, денег нет, моя машина всё ещё в сервисе, детали едут... Как тело-то переправить? Ты умная, сообрази!

В её голове включился режим чёткого, бесстрастного планирования. Её малолитражка с условным багажником, куда не влезает даже сложенный самокат. Значит, сиденье...

— Ну, — сказала Полина ледяным, методичным тоном сотрудника МФЦ, диктующего нормы расхода теплоносителя, — раз срочно и денег нет, алгоритм такой: пока тётя не зачечнела окончательно и не начала пахнуть, запикиваем её в чехол для лыж или в твой походный спальник. За неимением — в несколько слоёв строительной плёнки, плотно заматываем скотчем. Грузим на сиденье. Пристёгиваем ремнём безопасности — для устойчивости. Кондиционер на максимум, окна приоткрыты. Маршрут строим, избегая постов ДПС. Останавливаемся только на заправках, в людных местах. Обязательно берём с собой свидетельство о смерти — на случай вопросов. Ну и... соболезную, конечно.

На той стороне повисла густая, оскорблённая тишина. Он явно ожидал сочувствия, паники, совместного поиска решений — нового витка эмоциональной жвачки. Получил — техническое задание для похоронного цирка.

— Ты что, совсем... — начал он, но в его голосе послышался не гнев, а растерянное удивление. Его маленькая драма не выдержала столкновения с её конкретикой.

— Я поищу нормальную контору, — перебила Полина. — Перешлю контакты. Удачи с похоронами, — и прекратила вызов.

Нашла, конечно. Прислала ссылку. Он даже спасибо не сказал, ограничившись скупым «позвонил, договорились». Этот случай, как окончательный диагноз, встал в один ряд с авто-салонем. Она была ему нужна не как друг, не как женщина, даже не как человек. Она была многофункциональным приложением к его хаосу: навигатор, психолог, юрист, а теперь и главный логист по перемещению окоченевшей родни в салоне хэтчбека. Единственная функция, которая была ей недоступна — быть «его дамой». И слава Богу.

Завибрировал телефон. Звонила приятельница Анна — одна из немногих, кто общался с ней на равных, без этой слащавой жалости или скрытого превосходства.

— Ну что, как твой Казанова? — сразу с порога спросила Анна. Полина вкратце, с сухим цинизмом, описала сцену в салоне.

— Да он просто мудро, — отрезала Анна. — Пользователь. Ты ему не женщина, ты у него — бесплатный психоаналитик с функцией навигатора-консультанта. Выбрось его на помойку, где ему и место.

— Нельзя, — автоматически ответила Полина. — Kontakтами не бросаются.

— Ой, да иди ты со своими мамиными установками, — засмеялась Анна. — Ладно, пёс с ним. А что у тебя по работе? Как поиски?

Полина рассказала о «Старых Бумагах», опускаая самые ядовитые детали, но Анна, знавшая её как облупленную, всё поняла и ёрничала ещё минут десять. Потом вдруг спросила:

— Слушай, а в твоей почти бывшей конторе корпоратив же скоро? У нас на следующей неделе. Все носятся, как подорванные.

— О, — копнула память Полина. — Точняк. Чёртова «вечеринка в золотых двадцатых». Фриковая тема. У нас тоже.

— И что оденешь? — с практичным ужасом в голосе спросила Анна.

Полина мысленно поправила её — «наденешь» — и посмотрела на свой шкаф-купе, дверцу которого уже несколько лет заклинивало. Там висели брюки, блузки и два чёрных платья-мешка для важных случаев.

— Поняла, — вздохнула Анна, прочитав молчание. — Нужно идти и покупать. Нельзя же в брюках, это тебе не собеседование. На корпоративе надо выглядеть, даже если не хочется.

— Именно что не хочется, — проворчала Полина. Но семья было брошено. Мысль о корпоративе, о необходимости втиснуться во что-то «тематическое», о взглядах коллег и неизбежных комментариях по поводу её отсутствия «пары» — всё это сложилось в новую, ещё не оформившуюся, но уже тоскливо-знакомую тревогу.

После звонка она ещё долго лежала в тишине. Автосалон, «Старые Бумаги», корпоратив... Казалось, вся жизнь состоит из обязательных квестов, где она — неуместный персонаж, которого система то и дело пыталась выпихнуть за границы уровня. А её настоящая жизнь — там, в документах на рабочем столе ноутбука, где её герои спорили, любили и были уместны в своей вселенной.

Но деваться было некуда — правила диктовались не ею. И через пару дней Полина, сжав волю в кулак и кошелёк в руке, отправилась на добычу наряда для мероприятия. Её ждал новый круг ада под условным названием «Платье для Золотых Двдцдтых, когда твои собственные двдцдтые давно пролетели, оставив в наследство не стройность флэпперши, а солидный фундамент подорванного метаболизма».

Глава 5. Платье

Молл встретил её суеой эскалаторов и лифтов, глянцевым блеском и запахом попкорна, смешанным с парфюмерными тестерами. Полина шла сквозь эту стерильную, бездушную мишуру, как по минному полю. Цель была конкретна: отдел «plus-size» одной из массовых марок, где, по слухам, бывало «что-то приличное».

Само слово «плюс-сайз» она ненавидела. Оно звучало как диагноз. Как отдельная, маргинальная категория, вынесенная за скобки нормального человеческого разнообразия. Но ненависть была усталой, привычной, как боль в спине после долгого дня.

Отдел оказался крошечным островком в море стандартных размеров. Как будто стыдливо спрятанным. Вешалки ломились от ткани, но от одного взгляда Полину охватило предчувствие фиаско. Здесь царил принцип «либо дорого, либо ужасно». Дорогое — это нормальная фактура, хороший крой, сдержанный цвет. Ужасное — всё остальное. И дебильные фонарики на рукавах.

Она пролистала ряды: кричащие цветочные принты, будто обои из дешёвого кафе, мерцающая, жуткая парча, в которой можно было бы сыграть злую волшебницу в школьном спектакле. Или полная противоположность — бесформенные балахоны из грубого трикотажа, чей крой был способен полнить даже балерину. Эти вещи словно кричали: «Ты уже и так толстая, так будь ещё толще! Спрячься в мешке или, наоборот, кричи о себе этим ужасным горошком!».

Наконец, почти отчаявшись, она выудила с дальнего конца рейлинга платье. Простое, тёмно-зелёное, с завышенной талией и драпировкой на груди — казалось, оно обещало хоть какое-то подобие силуэта. На бирке значилась цена, от которой заныло под ложечкой, но она была уже готова заплатить за иллюзию нормальности.

Продавищица — юная, тощая, с маской профессиональной приветливости на лице — вручила ей номерок примерочной. Её взгляд скользнул по платью, по Полине, и в глазах мелькнуло что-то знакомое: смесь скуки и снисходительного сочувствия.

Примерочная была крошечной камерой с тремя зеркалами, сходящимися под убийственным углом. Три Полины. С трёх сторон. Без возможности скрыться. Она медленно, как перед казнью, сняла брюки и блузку. Тело в свете холодных ламп казалось чужим — бугристой, незнакомой территорией. Складка на животе, стёртые ляжки, оплывшие бока — всё было выставлено на всеобщее (пусть и своё собственное) обозрение. Она отвернулась, натягивая платье.

Ткань оказалась тоньше, чем ожидалось. Она облепила её, подчеркнув всё, что, по задумке драпировки, должна была скрывать. Завышенная талия легла ровно на самое широкое место живота, создав иллюзию шестого месяца беременности. Зелёный цвет, казавшийся благородным на вешалке, в свете люминесцентных ламп приобрёл больничный, трупный оттенок.

Полина посмотрела в зеркало, и её накрыло волной чистой, физиологической тоски. Это была не просто некрасивая вещь. Это было издевательство. Ткань морщилась в странных местах, подмышками топорщились нелепые пузыри, а драпировка на груди бессильно провисла, образуя не элегантную складку, а бесформенную вмятину.

В дверь постучали.

— Ну как, село? — послышался сладкий голос продавщицы.

Прежде чем Полина успела ответить, дверь приоткрылась. Продавщица заглянула, её взгляд быстрее молнии пробежал по отражению, оценил, просуммировал. И на её лице расцвела та самая, тренированная, липкая улыбка.

— Ой, знаете, вам так идёт! — воскликнула она с фальшивой теплотой. — Правильно, что не прячете себя! Очень женственно!

Каждое слово было отравленным шипом. «Идёт» — ложь, настолько очевидная, что её даже не хотелось оспаривать. «Не прячете...» — намёк на то, что всё, что она обычно носит, является стыдливым прикрытием. И этот апогей — «женственно». Слово-убийца. Слово, которое в её устах по отношению к этому уродливому зелёному савану звучало как насмешка. «Женственность» в их понимании равнялась «демонстрации жира в максимально невыгодном свете».

Полина встретила её взгляд в зеркале. В её собственных глазах стояла не боль, а холодная, ясная ярость.

— Это, — сказала Полина тихо и очень чётко, — жуткая жуть, — и по-снейповски подняла одну бровь.

Она знала о тавтологии и намеренно её употребляла, потому что иногда только усиление могло передать степень катастрофы.

Продавщица моргнула, улыбка вялой улиткой поползла вниз:

— Ну, я... я просто хотела...

— Я так и подумала, спасибо, — оборвала её Полина и захлопнула дверь.

Она ещё минуту стояла, глядя на тройное отражение в зелёном уродстве. Женственно. Женственность, оценённая в одиннадцать тысяч триста рублей и одобренная тощей девочкой, которая видела в ней не человека, а проблему размера, которую нужно было решить с помощью нелепой тряпки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.